

УДК 167

Виктор Левченко

**ЭТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В ФЕНОМЕНОЛОГИИ****Э. ГУССЕРЛЯ**

В статье рассматриваются различные аспекты профессиональной деятельности ученого, представленные в этических работах Э. Гуссерля. Ответственность перед разумом и последствия научной деятельности перед цивилизацией выявляются как этический центр феноменологического учения Гуссерля.

Ключевые слова: профессиональная этика ученого, феноменология, Гуссерль.

В условиях профессионализации деятельности ученого, а начало этого обнаруживается с началом эпохи Модерна, когда собственно и появляется *La scientia nuova*, важным и можно сказать необходимым моментом этого феномена являются этические рефлексии по отношению к нему. Проблема морального выбора, нравственной ответственности за совершаемую деятельность в рамках научной работы по разысканию истины становится важнейшей в сочинениях классиков науки и философии Нового времени (можно вспомнить, например, Декарта, Паскаля, Канта и многих других).

Но в духовной и интеллектуальной жизни первой половины двадцатого века наблюдается интересная особенность – отсутствие интереса наиболее выдающихся философов к этической проблематике. Редкими исключениями смотрятся на этом фоне сочинения А. Бергсона «Два источника морали и религии» и М. Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей». Основателя же феноменологии – философского проекта, подтвердившего своим влиянием на существующую поныне исследовательскую деятельность свое право на существование, – Эдмунда Гуссерля зачастую отмечают как прошедшего мимо проблем практической философии и теории морали. Однако работам Гуссерля, особенно позднего периода, свойственна сильная этическая составляющая. По свидетельству Хайдеггера, в этот период Гуссерль разрабатывает «математику этического», которую он оценивает как «новейшее» в феноменологии [7, с. 91]. К тому же, он специально высказывается и относительно моральной проблематики в своих «Статьях об обновлении», опубликованных в японском философском журнале «Кайдзо» в 1923–1924 гг.

Гуссерль, в качестве практического философа, может рассматриваться как продолжающий традиции этического интеллектуализма или рационализма и, соответственно, возрождающий древнегреческие

установки и идеалы человеческого поведения. Не только Хайдеггера, что общепризнано, но и Гуссерля можно считать пытающимся вернуться к истокам подлинного философствования, которое было характерным для антики. Для гуссерлевских взглядов, в том числе и этических, характерна классичность мышления греческого типа. Собственно он так же, как и Хайдеггер, предложил своим философским дискурсом оригинальную реставрацию античного способа мышления.

Так, понимание рациональности у Гуссерля классично и очень близко тому, как она дана в греческом философском наследии. Он, в противоположность иррационалистическим веяниям своего времени, не придерживался того мнения, что рациональность как таковая является злом. «Рациональность в том высоком и истинном смысле, о котором мы только и говорим (то есть в смысле возведенного греческой философией идеала), как раз нуждается в том, чтобы ее прояснили и развили зрелым способом» [8, S. 337].

Как известно, древнегреческая этическая мысль в лице своих основных представителей рассматривала блаженство как достижимую цель теоретической деятельности, организации своей жизни по законам разума. Для прояснения смысла своего существования человек должен отойти от наивного, основанного на доксе, отношения к действительности, таким образом определять себя и свое положение в мире, чтобы его поступки соответствовали независимому от него фронесису (благоразумию).

По Гуссерлю, именно таково отношение человека к своему существованию. Отсутствие истинной рациональности, согласно ему, и является «источником той уже невыносимой непроясненности, какую испытывает человек по отношению к своему собственному существованию и его бесконечным задачам. Эти задачи объединены в одну: *только если дух вернется от наивного овнешнения к самому себе, пребывая при себе и только при себе, он сможет стать самодостаточным*» [3, с. 325–326].

В самом методе, предложенном Гуссерлем, содержатся этические моменты. Мы это видим, например, в знаменитом феноменологическом *эпохе*, проводящем различие между позицией человека в мире, его делами и возможностью снятия этой «естественной установки», позволяющей отыскать ее смысл. Нельзя выносить заключение о мире, оставаясь в нем – таково значение этой процедуры, в том числе и для разрешения моральных проблем. Интеллектуализм Гуссерля четко заявлен в роли, приписываемой мышлению как тому, что придает смысл бытию.

Интенциональный анализ, предложенный Гуссерлем, позволяет по новому взглянуть на положение субъекта, «выворачивает субъективность»,

«вступающую в контакт с особенным», по выражению Э. Левинаса [5, с. 355]. В результате, в феноменологии происходит как бы возрождение античного подхода к разуму, который уже не нуждается в разделении на «теоретический», «практический» или «эстетический». Интенция собственно выступает как занятие позиции или недоксические полагания. Снимая метафизическое противопоставление субъекта–объекта, Гуссерль выходит на «архонтический» уровень полагания и логического, и аксиологического конституирования. «Вместе с родовой сущностной общностью всех характеристик полагания дана родовая сущностная общность всех их нозматических коррелятов полагания («тетических характеристик в нозматическом смысле»), и если брать последние вместе с их далее следующими нозматическими подосновами, тогда *eo ipso* дана сущностная общность всех «положенностей» вообще. А в этой последней в конечном счете основываются всегда ощущавшиеся аналогии всеобщей логики, всеобщего учения о ценностях и этики, – таковые, прослеживаемые до своих предельных глубин, ведут к конституированию всеобщих параллельных дисциплин *формального* свойства – формальной логики, формальной аксиологии и практики» [1, с. 255].

Исходным тезисом гуссерлевской этики является способность самосознания, выступающая для человека как личностное саморассмотрение. Из этого следует его способность занимать определенную позицию, рефлексивно обращенную к себе и представленную в личностных актах, прежде всего самопознанию, самооценке и «практическому самоопределению». Последняя выражается в требовательности к себе и самопреобразовании. В проявлении себя как моральной личности очень значима именно роль самооценки. Сам же Гуссерль, по словам Хайдеггера, обладал очень высокой самооценкой, в основании которой у него находилась его роль в создании феноменологического движения («мнят себя *Praeceptor Germaniae*, учителем Германии. Гуссерль ...живет миссией «основоположника феноменологии», хоть никто не знает, что это такое..., и вот *это* намерено сегодня спасти в Берлине весь мир» [7, с. 91]). В процессе осуществления самооценки «человек судит о себе как о хорошем или дурном, достойном или недостойном». Она выводит его на рассмотрение общего круга своих практических возможностей; «он оценивает свой собственный практический «характер» и особенные свойства характера, все дарования, способности, навыки, поскольку они определяют вид и направление его возможной деятельности» [4, с. 123]. При этом Гуссерль подчеркивает, что человек является не пассивно-аффективным существом, отдающимся во власть собственных побуждений и внешних обстоятельств, но, исходя

из своего Я-центра, способен совершать «свободные деяния», так как сознательно определяет свои побуждения. Самооценка позволяет человеку ставить вопрос о правильности или неправильности своих действий.

Эта личностная оценивающая деятельность свойственна человеку как свободному существу, соотносящему свои акты воления с направленностью на достижение позитивных ценностей, которые представлены для него в форме всеобщности. Для него очень важно избегать бессмысленности своего существования, он «живет в борьбе за «наполненную ценностями», защищенную от последующего обесценивания, падения ценности, разочарования, возрастающую в своем ценностном содержании жизнь, за жизнь, которая может обеспечить устойчиво согласованное и явное общее удовлетворение... Будучи свободным, он рассматривает свою жизнь и сознательно стремится в различных возможных формах преобразовать свою жизнь в удовлетворительную, в «блаженную»» [4, с. 123].

Общая жизненная цель задает единство жизни и бесконечность возможностей, исходящих из собственного воления. Человек в соответствии со своими возможностями и профессиональными интенциями посвящает свою жизнь реализации безусловно желаемых ценностей. Они выступают как практические идеалы в конкретном контексте индивидуальной судьбы. Поэтому, согласно Гуссерлю, и любая исторически реальная философия является для человечества более или менее успешной попыткой осуществления всеопределяющей идеи бесконечности, а тем самым совокупности истин. «Практические идеалы, рассматриваемые как вечные полюса, от которых человек всю свою жизнь не может отступить, не пожалев об этом, не изменив самому себе и не став от этого несчастным, при таком подходе ни в коей мере не ясны и не определены, они лишь угадываются в общих чертах, допускающих много толкований. Определенность достигается лишь при конкретном подходе и при хотя бы относительном успехе деятельности» [3, с. 318–319]. Поэтому Гуссерль и говорит о профессиональной жизни в высоком смысле слова как ценности, дающей человеку призвание и «чистое» удовлетворение. Когда я люблю внутренним центром личности наиболее предпочитаемые ценности профессионализма как те, с которыми я неразрывно связан, то мы можем говорить о подлинности существования. В результате, подлинный профессионал, например, ученый или художник, осознает свои «призванность» и «блаженство». В частности, говоря в «Кризисе европейского человечества и философии» о необходимости перехода от чисто теоретической установки к практической, Гуссерль говорит о практике как универсальной критике, о ее необходимости для

служения человечеству. В этом случае «происходит синтез и тех и других интересов, так что теория (универсальная наука), вырастающая как замкнутое целое и в условиях эпохи от всех практических соображений, призвана (и даже в рамках своей же теории доказывает, что призвана) по-новому служить человечеству, и прежде всего – в его конкретном существовании, в его продолжающейся естественной жизни. Это происходит в форме практики нового рода – практики, приобретающей характер универсальной критики всей жизни и ее целей, форм и систем культуры, уже развившихся в жизни человечества, и вместе с тем – критики самого человечества и тех ценностей, которые явно или скрытно руководят им. В конечном итоге это есть практика, имеющая целью развитие человечества силами универсального научного разума в соответствие со всеми видами истинностных норм и, таким образом, преобразование его в совершенно новое человечество, способное нести абсолютную ответственность перед самим собой, исходя из абсолютных теоретических интуиций» [3, с. 310–311]. Еще в «Картезианских размышлениях» Гуссерль отмечает, что кризисное положение в философии и в культуре в целом вызвано тем, «что был утрачен дух радикальной философской ответственности перед самим собой» [2, с. 55].

Пафос поздних работ Гуссерля как раз ориентирован на демонстрацию связи морали и рациональности. Так в «Кризисе европейских наук...» он говорит об опасности «объективистской» и «натуралистической» деградации рационального начала в условиях «усталости» и «вялости» рационализма, отсутствием в культуре морально-волевого начала или «героизма» разума. Согласно Гуссерлю, необходимым условием поддержания морально-волевого начала является постоянная ориентация на норму. Последняя внутренне присуща интенциональной жизни отдельных людей. Правда, эта постоянная нормативная и ценностная регуляция относится не ко всем людям, т. е. достаточно чужда тем, кто не вполне развился в личность более высокой ступени, складывающуюся в ходе межчеловеческих актов, «но все же нормативная регуляция присуща и им в форме необратимого развития и распространения духа универсальной нормативности» [3, с.304].

Для Гуссерля очень важен аспект формального следования выбранным нормам и ценностям, особенно в рамках его профессиональной деятельности. Он выделяет различные законы, определяющие нормативно-ценностное поведение человека как в рамках его профессиональных занятий, так и выходя за их пределы.

С одной стороны, это закон абсорбции (или поглощения). Он определяет функциональную зависимость практических ценностей друг

от друга. Он выстраивает возможную разумную практику и обесценивание определенных норм и ценностей относительно друг друга. Согласно ему, когда невозможно одновременное следование разным ценностям, то положительная оценка самой высокой из этих ценностей абсорбирует положительную оценку всех меньших ценностей. Они становятся негодными в практическом отношении для индивида. Кстати, сам Гуссерль, будучи германским профессором и очень высоко оценивая формальные моменты академической деятельности, в своем поведении зачастую чрезмерно соответствовал этому закону. Так, Карл Ясперс в своей «Философской автобиографии» следующим образом свидетельствует о подобном: «...моя ученица Афра Гайгер, очень яркая индивидуальность, приехала во Фрайбург учиться у Гуссерля. По формальным условиям участия в его семинаре он ее к нему не допустил. Так академический схематизм лишил и его, и ее благоприятной возможности, поскольку Гуссерль не пожелал увидеть самого человека». Ясперс назвал это проявлением «авторитета абстрактных предписаний» [9, S. 92 ff]. С другой стороны, несмотря на понимание направленности против него хайдеггеровского «Бытия и времени», Гуссерль отнесся, по свидетельству автора книги, все-таки к этому философскому произведению с позиций универсальной ценности его для философии. («Если работа («Бытие и время» – В. Л.) и написана «против» кого-то, так это против Гуссерля, который это сразу понял, но с самого начала придерживался позитивной позиции» [7, с. 123]).

Другим важным моральным законом, или как его назвал сам Гуссерль, законом «формальной практики», является закон суммирования. Согласно ему длительная удовлетворенность своим поведением возможна как разумно обоснованная согласованность разных целей и ценностей и направленность их к совокупной жизни вообще. Общая реализация практических благ дает в своей целокупности ценность большего порядка, чем отдельные ценности и цели. Этот закон дает человеку ясную уверенность относительно возможности наполнять свою жизнь защищенными от обесценивания целей и предпосылок делами. Открытый горизонт бесконечных возможностей создает для человека без определенной работы разума по согласованию ценностей и целей чувство неуверенности и неудовлетворенности. Осознание ответственности разума, которая и есть, по Гуссерлю, «этическая совесть», сужает указанный выше горизонт открытой бесконечности возможных разочарований. Разумное саморегулирование в духе античного стоицизма позволяет человеку преобразовывать всю свою совокупную жизнь и дает ему гарантию оправдания перед самим собой в любой момент.

Эта индивидуально-этическая работа направлена на постоянное возвышение человека, поддержание его устремленности от недостойности к меньшей недостойности, к выходу за пределы отдельного к всеобщему. В связи с этим у Гуссерля возникает тема духовного телоса европейского человечества, включающего в себя частный телос отдельных индивидов. «Он принадлежит бесконечности, это – бесконечная идея, к которой, так сказать, затаенно стремится все духовное становление. Осознаваясь в процессе развития, телос с необходимостью становится практическим как цель воли (Willensziel), и тем самым начинается новая, более высокая стадия развития, стоящая под знаком норм, нормативных идей» [3, с. 303]. В «Кризисе европейских наук» и других работах Гуссерля обязанности перед исторически развивающейся культурой, внутренний интерес к ее целям выступают в качестве основного определения моральности индивида.

Ответственность перед собой за совершаемые действия, таким образом, является необходимым и обязательным аспектом феноменологического метода. Справедливо отмечает Э.Соловьев, что у Гуссерля уже в «Логических исследованиях» истина рассматривается как святыня, поскольку для научного познания характерны бескорыстие и незамутненность. «Соответственно и самоотвержение, предполагаемое «чистой теоретической установкой», возвышается над всеми видами аскетизма, над борьбой склонности и долга, которую индивид ведет в состоянии внутренней раздвоенности» [6, с. 398]. В «Кризисе европейских наук...» Гуссерль подчеркивает, что с позиции феноменолога нельзя уже отрывать теоретическую жизнь от практической, расщеплять конкретную жизнь теоретика на две параллельные жизненные деятельности, и профессиональная деятельность ученого наполняется подлинным смыслом в своей самореализации.

Список использованной литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 – М. ^ ДИК, 1999. – 311 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления.– СПб.: Наука: Ювента, 1998. – 315 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. – М: Юрист., 1995. – С. 297-331.
4. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 109-135.
5. Левинас Э. Ракурсы // Его же. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб., 2000. С. 292-349.

6. Соловьев Э. Ю. История и этика в феноменологии позднего Гуссерля // Его же. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. 430 с.
7. Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка. 1920–1963. – М.: Ad Marginem, 2001. 416 с.
8. Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phaenomenologie // Husserliana. Den Haag, 1954. – Bd.VI.
9. Jaspers K. Philosophische Autobiographie. Erweiterte Neuausgabe. Munchen, 1977.

Віктор Левченко

ЕТИЧНА ДЕТЕРМІНАЦІЯ ПРОФЕСІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ВЧЕНОГО В ФЕНОМЕНОЛОГІЇ Е. ГУСЕРЛЯ

У статті розглядаються деякі аспекти професійної діяльності вченого, які представлені в етичних працях Е. Гусерля. Відповідальність перед розумом і наслідки наукової діяльності перед цивілізацією виявляються як етичний центр феноменологічного вчення Гусерля.

Ключові слова: професійна етика вченого, феноменологія, Гусерль.

Viktor Levchenko

ETHICAL DETERMINATION OF PROFESSIONAL SCIENTIFIC ACTIVITIES IN PHENOMENOLOGY OF EDMUND HUSSERL

Some aspects of professional activity of the scientist presented in ethical works of E. Husserl are considered in this article. Responsibility to reason and consequences of scientific activity before civilization come to light as the ethical center of the phenomenological doctrine of Husserl. The author demonstrates that the aspect of formal following to the chosen norms and values, especially within his professional activity is very important for Husserl. The German phenomenologist selects various laws such as absorption and summarizing defining standards and valuable behavior of the person in his professional activities and going beyond their limits. He speaks about professional life in high sense of the word as the value giving calling and "pure" satisfaction to the person. Husserl emphasizes that it is already impossible to tear off theoretical life from practical, to split concrete life of the theorist on two parallel vital activity and professional activity of the scientist is filled with a true meaning in the self-realization as we are based on phenomenological position.

Keywords: professional ethics of the scientist, phenomenology, Husserl.

References

1. Gusserl' Je. (1999) Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy]. T. 1, Moscow, DIK, 311 p.
2. Gusserl' Je. (1998) Kartezijskie razmyshlenija [Cartesian reflections]. SPb, Nauka, 315 p.
3. Gusserl' Je. (1995) Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofija [Crisis of the European mankind and philosophy], *Kul'turologija. XX vek: Antologija*, Moscow, pp. 297-331.
4. Gusserl' Je. (1997) Stat'i ob obnovenii [Articles about updating], *Voprosy filosofii*, Moscow, № 4, pp. 109-135.
5. Levinas Je. (2000) Rakursy [Foreshortenings], *Ego zhe. Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe*. Moscow, SPb, pp. 292-349.
6. Solov'ev Je. Ju. (1991) Istorija i jetika v fenomenologii pozdnego Gusserlja [History and ethics in late Gusserl's phenomenology], *Ego zhe. Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury)*. Moscow, Politizdat, 430 p.
7. Hajdegger M., Jaspers K. (2001) Perepiska. 1920–1963 [Correspondence. 1920–1963]. – Moscow, Ad Marginem, 416 p.
8. Husserl E. (1954) Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phaenomenologie. *Husserliana. Den Haag*, Bd.VI.
9. Jaspers K. (1977) Philosophische Autobiographie. Erweiterte Neuausgabe. Munchen,.